

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

АЛЕКСЕЙ И МАРК

Будущий знаменитый поэт-сененик родился 4 марта 1919 года в богатой купеческой семье во Владимирской губернии. В этом очерке в двух словах не скажешь о юности и отрочестве Алексея Фатьянова. По большому счёту, складывалось всё так же, как и у множества его сверстников. И как многие тысячи парней и девушек он был заброшен бурей «великого перелома» в Москву. С 16 лет учился в театральной студии при театре ВЦСПС (для читателя, не знакомого с этой аббревиатурой, поясним — Всесоюзный центральный совет профсоюзных), затем — в театральной школе актерской труппы театра Красной армии. А когда подошёл срок идти в армию солдатом, Фатьянов в мае 1940 года отправился в Елец — в полк железнодорожных войск.

Кто знает, возможно, со временем из добродушного владимирица получился бы неплохой офицер инженерных войск, но судьба распорядилась иначе. Заметим только, что в персональной пьесе Фатьянова в роли судьбы на подмостках 1940 года выступил молодой музыкант Марк Блюмин.

Марк Викторович Блюмин (впрочем, до старости маэстро едва ли не все звали только по имени) родился в марте 1913 года в Гомеле. Отец Марка был светилом городской медицины и без особого труда добился для сына направления в военно-медицинскую академию. Но тому по душе был иной путь. В школьные годы Марк блестяще играл на фортепиано, пробовал сочинять песни для школьной самодеятельности, и медицина его не прельщала. Узнав о существовании рабфака при Московской консерватории, он поступает на учебу сразу на третий курс композиторского отделения, а через месяц(!) его переводят на четвертый курс хорового дирижирования.

В 1933 году Блюмин заканчивает рабфак, выпускные экзамены стали одновременно и вступительными на дирижерско-хоровой факультет консерватории. В 1938 году на выпускных экзаменах Марк Блюмин дирижировал в Большом зале консерватории «Сценой под Кромками» Мусоргского и фрагментом из «Реквиема» Верди.

Он получает назначение в Дагестан, но тут же отзывается в Москву: его назначают заместителем начальника музыкального отдела комитета по делам искусств при Совнарком РСФСР (после 1937 года велик был дефицит кадров). Блюмин с ходу проводит первый фестиваль музыки в калужских колхозах (с участием Сергея Лемешева) и первый фестиваль ансамблей песни и пляски и хоров России. На Всесоюзном конкурсе вокалистов Марк Блюмин — уже заместитель председателя жюри.

А тут вышел приказ Наркомата обороны о создании при каждом военном округе ансамбля песни и пляски. 25-летнего Марка Блюмина, невзирая на его министерский пост, призвали в армию и назначили руководителем ансамбля песни и пляски Орловского военного округа — как раз под Кромки, где происходило действие «дипломной» оперы Мусоргского.

В Орле он сразу обратил на себя внимание: одет всегда с иголочки; когда по улице шёл, взгляды притягивал. Его голос очаровывал. Красавец, всеобщий любимец! А как он был отзывчив на чужую беду,

как старался помочь окружающим людям, поддержать таланты!

В одной из поездок по воинским частям округа Блюмин обратил внимание на красноармейца Фатьянова, активнейшего участника художественной самодеятельности. Состоялась беседа, гость из Орла напрямую предложил перейти к нему в ансамбль — требовался человек, который писал бы сценарии военно-патриотических композиций, стихи красноармейских песен. Ну а сам Блюмин уже давно пробовал сочинять музыку для таких песен. Вскоре было получено добро от высшего начальства, и Алексей Фатьянов со своим небогатым солдатским имуществом в июле 1940 года (в некоторых источниках указан октябрь) прибыл на новое место службы в Орёл.

Поселился он, как и положено, в

сердце, легкие, нервы.

Волно проверьте, силу измерьте, будьте в числе первых.

Сейчас отложите гулянья, гармони, себя тренируйте вдвойне, чтоб враг не смог уйти от погони в последней, великой войне (Комсомолец, 1941, 15 июня).

Фатьянов написал ещё несколько стихотворений, напечатанных в орловской молодежной газете:

Мой гений, мой

рисами были бабушка и мама (в молодые годы)... Но трудное время мало располагало к творчеству. Отец Анны умер, когда ей было два года. Волей обстоятельств семья оказалась в Орле — мама работала начальником планового отдела. Появился отчим...

Подружка Тамара Федорова как-то сказала Анне: — Нуся, я сегодня иду поступать в студию при театре.

Анне было всего пятнадцать лет, она занималась на курсах бухгалтеров. Робко сказала:

— Можно, я посмотрю, как это происходит?

Это был 1937 год. Студенты театральной студии сразу стали играть в спектаклях Орловского театра. Поэтому, когда через два года Анна закончила студию, уже свободно и без страха выходила на сцену. Первую большую роль сыграла в пьесе Михаила Светлова «Сказка» весной 1941 года.

О чём эта сказка? О студентах-геологах, которые вечером вспоминают о трудном детстве, придумывают разные истории, мечтают... Катя (так звали юную героиню Анны) поёт:

— Я хочу прожить так этот свет

Самую весёлую для друзей...

Самый сильный, самый страшный ветер Не потушит юности моей.

А ещё бывшая беспризорница с грустью говорит в зрительный зал: «А знаешь, молодость действительно прошла. И так незаметно. Хоть бы сделать что-нибудь героическое, перезимовать на дрейфующей льдине, полететь в стратосферу... Ну что-нибудь».

Ветер испытаний не заставляет себя ждать. Наутро друзья отправляются в экспедицию искать месторождение золота — оно необходимо советской стране для индустриализации. В тайге геологи окружают явные и скрытые враги, приближается смерть от

голода и холода. Катя из последних сил борется заклинивание «Гул туры му!» Как кас Нафари!» и вытаскивает два пальца, чтобы найти золото. Её приятель Шурик смеётся: «Ты придумай себе заклинивание, чтобы жехника найти».

Наивная и чистая Катя гибнет от вражеской пули. А золото находят... В зале среди зрителей был Алексей Фатьянов — он заглянул в этот вечер в театр, чтобы услышать знаменитые светловские строки, ведь о пьесе, шедшей на столичных сценах, с восторгом писали центральные газеты. А тут своя, орловская, постановка.

Финал, на удивление, был счастливым, но тревожный: оказалось, что экспедиция — только сказка, только ожившая поздним вечером фантазия. Но почему-то в последней сцене герои получают из главного управления уже настоящую телефотограмму: срочно готовить геологоразведку в тайгу... И хотя испытания ещё впереди, сегодня все живы и счастливы, полны надежд. С таким настроением расходились зрители, с таким настроением собралась у закрывшегося занавеса молодежная труппа.

После спектакля всех его участников пригласили в редакцию газеты «Комсомолец», к редактору Ивану Батову. Он был ещё, можно сказать, юный редактор — возглавлял комсомольскую газету с мая 1940 года, то есть с 26 лет. Но в газетном мире почти «волк» — после окончания Богородицкой средней школы (в Хотынецком районе) стал стажёром городской газеты «Брянский рабочий», активно публиковался в газетах Смоленска (тогда — центр Западной области), в «Комсомольской правде». В 1933 году по рекомендации «Брянского рабочего» поступил в Ленинградский институт журналистики. С 1937 года был ответственным секретарем городской газеты «Брянский рабочий». Молодежная редакция (располагалась на

Как рождаются любимые народом песни? Что происходит в душе поэта, когда он остаётся наедине с чистым листом бумаги? Почему в мир приходят именно эти строки и образы, а не другие? Не будем пытаться искать простые и однозначные ответы на подобные вопросы. Лучше вернёмся на несколько десятилетий назад, когда в Орле в этом здании на улице тогда еще Сакко и Ванцетти произошла одна, на первый взгляд, совсем обычная встреча...

воинской части, там, где жили участники ансамбля. Орловцам это место хорошо знакомо — ныне здесь, на Соляном переулке и Комсомольской площади, располагается полк внутренних войск.

Работы было очень много — и в качестве режиссера-постановщика, и в качестве автора. Но, как вспоминал потом Фатьянов, чувствовал он себя как рыба в воде. На девяносто процентов программы концертов ансамбля состояли из его произведений, он читал со сцены стихи, пел, вёл концерты. Его стихотворные произведения постоянно публиковались на страницах областных газет «Орловская правда», «Комсомолец». Многие стихи Фатьянова — бесхитростный рассказ об армейских буднях, но в этих строках уже проступают мотивы будущих всенародно любимых песен. Разве нет переключки со знаменитой «Солнечной поляночкой» и опубликованного в «Комсомольце» в марте 1941 года «Привала»?

Сегодня солнцем день залит. Привал. Окончен путь. Ну что ж, товарищ замполит, сыграйте что-нибудь. Легла на пуговки рука, И, на пенек присев, Товарищ замполитрука Играл лучше всех. Трещат смолистые дрова, Дым стелется в овраг. На отдых есть у нас права, Был бой.

В бою разгромлен враг. Алексей Фатьянов со страниц «Комсомольца» обращался к орловской молодежи с такими стихами: На крост, комсомолец! В беге проверьте

«Бессонница» (1941, 16 марта), «Париж 1941 года» (1941, 19 марта), «Музыка» (1941, 28 мая). Частенько приносил свои стихи и в газету Орловского военного округа «Сталинец» (редакция размещалась в Орле на улице 2-й Посадской, это здание было разрушено во время оккупации). 1 января 1941 года здесь в «Сталинце» опубликован его репорт-

Пришла в театр, стала за колонной и замерла: впервые попала сюда, до этого бывала только на кукольных спектаклях.

Вот как вспоминала Анна Николаева о том дне случившегося с половиной десятилетий: «На актёрском экзамене было полным-полно людей. Все красивые! Я по сравнению с остальными была маленькой, полноватой девочкой. И вдруг один человек из комиссии спрашивает: «А что это за девочка стоит за колонной? А ну-ка, иди сюда...» Уж и не знаю, что его во мне привлекло. Может, моя коса до самых пят? Или модная в те времена шапочка «маленькая мама»? Он меня спросил: «Сможешь что-то прочитать?» Говорю: «Могу». И прочитала: «Яблони, полные сил, ароматные, в нашем саду расцвели...» «А петь умеешь?» — спрашивают «Могу», — говорю. И затянула «Каховку», отключившись даже от аккомпанемента.

Начала звонко, а закончила басом. Аж сама своего голоса испугалась, так он сел от страха. Вижу, комиссия едва держится, чтобы не засмеяться. «А танцевать можешь?» Я тогда сняла свою «маленькую маму», положила её на стул и станцевала полку-бабочку. Сама себе при этом напевая. Комиссия расхохоталась. Мне было так стыдно и обидно! Я была мокрая как мышь. И от расстройства подошла к своему стулу и села на «маленькую маму».

Анну приняли! Когда мама услышала, что дочь поступила в студию, она очень серьезно посмотрела на неё, потом опустила голову, и по её щекам потекли слезы. Дочке показалось, что мама расстроена из-за денег: актрисе тогда платили на четверть меньше, чем бухгалтеру...

Фатьянов, Дорофеев и Блюмин (фрагмент газеты «Комсомолец», 1941 г.).

таж под заголовком «На лыжах», а в номере за 30 марта — стихотворение «В зимнем лагере»:

Ухают минометы, Гнутся от ветра кусты, Наша 4-я рота Заходит к «противнику» в тыл. Так мы постигаем науку Боя, забыв о сне, Учись лишь так и тому, как Бывает всё на войне.

«КНЯЖНА АННА»

Будущая звезда киевской сцены Анна Николаева родилась 5 мая 1922 года в городе Острогжоске, в ста верстах южнее Воронежа. Её прадед был актером оперетты, выступал под псевдонимом Завадский (в XIX веке это было своеобразной модой в артистической среде). Ак-

ангел, мой друг...

улице Сакко и Ванцетти, ныне Карачевской) притягивала к себе все молодые творческие силы Орла и области. Так где, как не здесь, и суждено было встретиться Алексею Фатьянову и Анне Николаевой?

Анна вошла в кабинет Батова и сразу обратила внимание на стоявшего у окна молодого красноармейца. Он! Красив чертовски, высокий блондин с родничком на щеке... А зубы — жемчуг... Глаза — в них всё голубое небо! Высокий, широкоплечий — настоящий Добрыня Никитич. Анна влюбилась в него прямо с порога!

А Алёша не мог отвести глаз от девушки, которая, умирая на сцене, сказала, что лучше погибнуть, чем пережить неразделённую любовь. Они не запомнили, о чём говорили на «открытой рецензии» в тот день, — вышли из редакции вдвоём... До позднего вечера бродили по всем орловским улицам, паркам, садикам. Он взял её за руку, и всё рассказывал о себе, Москве, доме, о родных и близких. Вспомнили почему-то Лермонтова и его «Героя нашего времени». Алексей — поэт в солдатской шинели, совсем как в романе: «Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель». Ну, а уж Анна непременно сыграла бы роль княжны.

Он сказал Анне ещё, что таких глаз не видел никогда и уже больше никогда не увидит! В городском саду сели на скамеечку, Алексей придвинулся к Анне и на каком-то обрывке листа написал стихотворение. «Это для тебя», — прочитал он.

3 июня 1941 года в «Комсомольце» появилась большая публикация, все материалы которой принадлежали Алексею Фатьянову. Это была письменная версия литературно-музыкальной композиции «Великой родины сыны», которая принесла ансамблю успех и славу. Газета напечатала текст и ноты (автор музыки — В. Дорофеев) песни «Всегда готовы». Были в ней такие строки:

Слышишь земля,
Родная семья,
Слышишь нас, Сталин родной.
За правое дело
Мы выступим смело
В последний решительный бой.
Сестры встанут с нами рядом,
В бой готовы сыновья:
Далеко проводит взглядом
Родина чудесная моя.
И с победою нас встретит
Победившая в боях
Самая могучая на свете
Родина чудесная моя.

Здесь же было напечатано групповое фото нескольких участников военного ансамбля, включая Фатьянова. Эту газету артисты раздавали красноармейцам, объезжая с постановкой части военного округа. Война застала их на Щещинском аэродроме западнее Брянска: немцы бомбили авиачасть, и орловские артисты могли погибнуть уже в первые минуты тех неизменно тяжёлых 1418 дней и ночей Великой Отечественной. Алексей сразу написал для «Комсомольца» стихи о войне: «Победа с нами» (напечатано 26 июня), «Девушкам нашего города» (29 июня). Второе стихотворение, конечно же, было посвящено Анне Николаевой.

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

После той первой встречи на свидания друг к другу они буквально бежали. А ещё увиделись во время первой бомбёжки Орла. Был поздний вечер, Анна возвращалась с комсомольского собрания. Раздался страшный гул, кто-то схватил её за руку — милиционер — и буквально бросил в подвал, где было тихо-

тихо... даже дети притихли. Анна, прижавшись к холодной стене, твердила одно: «Господи, что сказать перед смертью?»

Когда бомбёжка затихла, все стали выходить из убежища... И тут, в полной ночной тишине она встретила Алёшу... По военному городу они побежали к Анне домой. Мама и бабушка стояли на улице — ждали её... «Передаю вам Нюсю с рук на руки», — сказал Алексей. Вновь загулели сирены, и все они едва успели вбежать во двор, в укрытие, в земляную щель...

Алексей проводил Анну в эвакуацию. Рано утром пришёл на вокзал прямо к вагону. И принёс фиалочку: «Это тебе» (его фиалку, желтую с синими краешками, засушенную, Анна хранила в записной книжке много лет). Они не плакали и почти ничего не говорили, они думали тогда, что война долго не продлится («ещё пару недель, не больше»). Поэтому, прощаясь, не расставались навсегда, надеясь, что когда-нибудь, после войны, будут вместе навсегда.

Алексей Фатьянов с ансамблем «обслуживал» фронтные части во время битвы за Москву, потом в связи с реорганизацией Орловского военного округа в Южно-Уральский округ боевых артистов перевели в город Чкалов (ныне Оренбург). Много раз за годы войны писал рапорты с просьбой, с требованием отправить на фронт: «Нет больше сил оставаться в прифронтовых полосах и заниматься литературной работой в то время, когда все мои братья, друзья и товарищи на фронте отдают свои жизни и кровь... Прошу отправить меня на любую работу на фронт, так как я могу владеть тремя орудиями — словом, пером и винтовкой...»

Но на фронт его не направляли. Постепенно, шаг за шагом, поэт-певец Алексей Фатьянов становился известен всё более широко кругу слушателей. Начиная его сотрудничество с композитором Василием Соловьёвым-Седым. Не за горами были всенародная любовь и слава. А пока — еженедельные концерты в воинских частях, длительные командировки с артистическими бригадами в действующую армию, создание новых песен.

Орловский театр, где работала Анна, эвакуировали на Урал. Архивные документы сохранили свидетельства того, в каких условиях работали наши артисты: скудный паёк, изматывающий холод, отсутствие самого элементарного для того, чтобы ставить спектакли. Сдерживая слезы, Анна читала стихи перед голодными подростками-работниками военных заводов. Но наградой за всё были такие искренние аплодисменты публики, которых, наверное, нет и не может быть в мирное время.

Судьбой было суждено, чтобы Фатьянов и Николаева ещё встретились во время войны. Вот как вспоминала Анна: «Этё было в Челябинске. Мы выступали там с театром, жили в Златоусте. Помню, я шла вечером после спектакля по гостиничному коридору и вдруг навстречу мне в распахнутой шинели Алёша! Это невозможно описать! На меня как будто напал столбняк. Я не могла произнести ни слова, просто стояла на месте. Алёша подошёл, нежно обнял меня и расцеловал. Он был свободен даже сутки. На следующий день с ансамблем уезжал в Уфу. Алёша отпросился у своего директора Марка Блюмина проводить меня, и последним поездом мы уехали в Златоуст. К маме.

Сели в поезд в уголке, при-

Иван Батов.

жавшись, и всю дорогу что-то шептали друг другу... Мама знала о нас всё. Она быстро сообразила, что-то на стол. А на центральное место поставила маленькую бутылочку с медицинским спиртом. Мы разлили его водой и выпили по рюмке. Мама постелила себе на кухне. А нам — в комнате. Наверное, теперь скажут, что наш век был наивен до глупости. Я легла на лежанку у печки, а Алёша на раскладушку. Мы проговорили всю ночь! Обо всём. Конечно, целовались, обнимались. Но никаких поползновений с его стороны на мою честь не было. Он оберегал меня. Мою невинность. А утром подарил мне книгу своих песен. И сказал: «Это только тебе! Это всё про тебя!»

Как просты и бесхитростны эти воспоминания Анны Николаевой! Но представь, читатель, чего стоило капитану Марку Блюмину отпустить сержанта Фатьянова без всякой уважительной причины на сутки да ещё в другой город? Вот уж воистину, всем запомнился красавец Блюмин как человек удивительно щедрой души! А каково было добраться в военное время из Челябинска до Златоуста — ведь это 160 километров — и успеть вернуться за сутки? Ах, молодость — молодость, не знает она никаких преград...

Анна помимо театра работала в госпитале: в огромных корытах железной шесткой в ледяной воде отмывала солдатские шинели. Упала в обморок, когда в первый раз увидела на брюках чьи-то кишки. А потом кусочек глаза... Переболела воспа-

нием почек, цингой, чесоткой, фурункулезом. Давным чудесным образом выдвинула и роль наивной Кати, и первая встреча в Орле с юным поэтом в солдатской гимнастёрке...

Вскоре после освобождения Орла Анна Николаева вернулась с мамой в родной город. Поселились в каморке, почти соответствующую народной присказке: голые и босые. Так случилось, что Анну встретил Иван Батов — теперь он был уже не редактор комсомольской газеты, а куда более солидной — «Орловской правды». Из-за плохого зрения его не призывали в армию. Стройный, черно-волосый, обладатель быстрого ума, он чутко улавливал настроение областного начальства и держал в ежовых рукавицах редакционную братию. Уже скоро Батов сделал Анне предложение. Она растерялась. Как поступить? Решила поехать в Москву, к Фатьянову. Скорее всего, это был декабрь 1944 года.

Вот как она вспоминала о встрече: «Я нашла Алёшу через его сестру Наталью. Пришла к ней, она от-

было в гостинице, я забилась в угол комнаты и наблюдала. Они записывали какую-то песню (по мнению музыковедов, это были «Соловьи» — А.К.). Алёша стоял у фортепиано, посылал мне воздушные поцелуи и всё твердил: «Это тебе, это тебе...» А вечером я ему сообщила, что собираюсь выйти замуж. Алёша только сказал: «Наша любовь останется с нами до конца нашей жизни. Поступай, как знаешь». На следующий день он уезжал в Ленинград. Я и его сестра пошли его провожать. Помню, он стоял на подножке вагона, в военной шинели, красивый, голубоглазый, и мы попрощались. Я безумно ревела у Натальи на груди...»

Журналистка киевской газеты, слушая этот рассказ нашей героини в 2002 году, не удержалась и спросила Анну Тимофеевну о её браке с Иваном Батовым:

— А как же любовь?

И услышала такой ответ:

Открытие мемориальной доски А. Фатьянову. Орёл, 1993 г.

крыла дверь и сразу мне с порога: «Нюся! Где ты пропадала! Алёша всё время только и говорит, что о тебе!» И мы с ним встретились. Он был все так же красив. А я уже одевалась в роскошные платья. Алёша вновь клялся мне в любви. А я зароченом за ним наблюдала. Как-то он взял меня к себе, посмотреть, как они работают с Соловьёвым-Седым. Это

— Наверное, то, что предложил мне Иван Георгиевич после страшного войны, было для меня важнее всего. Он защитил меня, спас от нищеты. У него была хорошая квартира, достаток. А любовь... В первую ночь я не смогла лечь с ним в постель. Убежала. Потом вернулась. Пришла привязанность...

ЭПИЛОГ

В июне 1946 года Алексей Фатьянов женился в Москве на Галине Калашиковой, которой суждено было стать хранительницей его уникального творческого наследия. Фатьянов написал тексты всенародно любимых песен, ставших советской песенной классикой: «На солнечной поляночке», «Давно мы дома не были», «Потому, что мы пилоты», «Когда проходит молодость», «В городском саду играет...», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Когда весна придет, не знаю...», «Ты сама догадайся по голосу...». Умер 13 ноября 1959 года в Москве.

Марк Блюмин руководил ансамблем песни и пляски 3-го Украинского фронта, после демобилизации в 1948 году вместе с женой Клавдией Ивановой, солисткой и танцовщицей его ансамбля, приехал в Куйбышев, где был назначен художественным руководителем филармонии. По творческому уровню Куйбышевская филармония ничуть не уступала столичной: Блюмин был дружен с лучшими музыкантами Советского Союза. А ещё неутомимый организатор сочинял музыку к спектаклям местного драмтеатра, преподавал дирижирование в музыкальном училище, написал ряд песен, которые, увы, не стали заметным явлением в музыкальной среде. В последние годы жизни работал художественным руководителем литературно-музыкального лектория филармонии. Умер в конце 1981 года в Москве, похоронен в Куйбышеве (ныне Самара).

Ивана Батова в 1947 году назначили редактором газеты «Советская Молдавия». Это было чрезвычайно сложное время для южной респу-

блики. По подсчётам современных историков, за год в Молдавии погибло от голода не менее 200 тысяч жителей. Однако по канонам того времени в газете на эту тему не было напечатано ни одной строчки. Вскоре Батова перевели в Одессу, а в 1952 году — в Киев. Здесь их брак с Анной Николаевой распался. Насколько известно, Иван Георгиевич живёт до сих пор в Киеве.

Анна Николаева, уехав вместе с Батовым из Орла, была актрисой театров в Кишинёве и Одессе, затем — Киевского русского театра имени Леси Украинки. Сыграла роли Анны («Каменный гость»), Матрёны («Власть тьмы»), Маши («Три сестры»), Миссис Сэвидж («Странная миссис Сэвидж») и многие другие. Снималась в кино. В 1972 году удостоена звания «Народная артистка Украины». Умерла 12 апреля 2003 года в Киеве.

Прогуливаясь вечером по улице Карачевской или Комсомольской в Орле, вы, уважаемый читатель, конечно же, видели эти парочки: солдат (явно из расположенного рядом полка) идёт вместе с девушкой. Увольнительная на несколько часов, долгожданная встреча, такой незатейливый и многозначительный разговор. Кто знает, что ждёт впереди сегодняшнюю юность? Если вспомнить о днях минувших, то не исключено, что этот рядовой когда-нибудь напишет книгу хороших стихов, а хрупкий орловчанин суждена большая сценическая судьба. Вот только как попросить об этом своего ангела-хранителя?..

Алексей КОНДРАТЕНКО.
Фото из архива редакции.